

355580

СЕРИЯ
ДЛЯ ГРОМКОЙ
ЧИТКИ

9 542

Люди стальной воли

Газетно-книжное издательство ОБКОМА ВКП(б)
Саратов

1943

Т о в а р и щ !

Прочитай эту книжку вслух у себя на предприятии или в колхозе, госпитале, школе, домохозяйкам.

После читки проведи беседу о героизме воинов Красной Армии.

ЛЮДИ СТАЛЬНОЙ ВОЛИ

На диком обрыве, омываемом с трех сторон водой, у соединения бурных рек стояла красно-кирпичная церковь.

С ее колоколен открывалась вся окрестная земля, дороги и реки, и деревни на холмах. И в тихий, ясный день далеко вокруг были видны фуры на дорогах, лодки на реках и слышен был шум лесных вершин, и крики рыбаков, и выстрелы охотников в лесу, и голоса в деревне, и гудки поездов от Ржева на Вязьму, и голоса птиц, которые слетались к тихим колокольням. Выходило и заходило солнце. Зажигались и гасли звезды. Проходили годы, десятилетия. А красно-кирпичная церковь стояла на утесе, видная всем окрестным землям, всем деревням, всему крестьянскому народу.

Вот у этой красной церкви, господствующей над местностью, разыгрались на днях ожесточенные, кровопролитные бои.

Уже соединенный огонь артиллерийских и минометных полков и авиационных соединений, огонь с земли и с неба пробил и размолот передний край немецкой обороны, поднял в воздух минные поля, вырвал врытые в землю танки, разметал проволочные заграждения, блиндажи и дзоты. Уже в бреши прорыва вошла со штыками пехота. Уже танки и кавалерия оседлали железную дорогу Ржев—Вязьма, прогнали немецкие бронепоезда. Уже шли ожесточенные бои во всей глубине немецкой обороны. А красная церковь на обрыве все еще была в руках

у немцев, и немецкие глаза видели все поле сражения, проглядывали, а значит, и простреливали переправы, огнем рассекая наше наступление.

Церковь со стенами трехметровой толщины, сложенная кирпич к кирпичу золотыми руками русских каменщиков на веки-вечные, была занята врагом. Она стояла на утесе под темными тучами, как заколдованная, неприступным бастионом.

Немцы заложили широкие церковные окна, оставили лишь узкие щели амбразур, из которых, точно псы, выглядывали пулеметы. Немцы укрепили старые каменные церковные подвалы и прорыли из них подземные ходы в блиндажи и дзоты, опоясавшие церковь. Все было там зарыто и глубоко спрятано в землю и камень, окружено колючей проволокой, опоясано минами полями.

Там сидели почти сплошь офицеры штрафного батальона, прикованные к камням церкви смертным приговором. В деревне за церковью сидели пулеметчики, которые должны были исполнить этот смертный приговор и в случае отступления расстреливать бегущих фрицев. И они сидели в каменных подземельях.

Трое суток била по укрепленному району наша артиллерия. Немцы укрывались со своими пулеметами и минометами в подземелья и отсиживались там. Но как только поднималась на штурм пехота, огнем оживал утес. Пулеметы церкви давали пятнадцать тысяч выстрелов в минуту.

И тогда командир части, наступающей на укрепленный район с левого фланга, решил взять вражье логово не штурмом, а изнутри, хитростью.

Эту задачу взялся выполнить отряд добровольцев-автоматчиков.

Сорок два автоматчика с русскими автоматами на груди стояли перед командиром, как сорок два богатыря, готовые к смерти или победе. Здесь были Гавриил Гайдар, Леон Папиашвили, Дмитрий Шевченко, Абдулла Богданов, Натан Белкин, Гибаш Шигабудинов, Драсванский, Василий Тубаев. Будто каждый народ Советского Союза искал здесь равноправия в жизни и смерти и послал

355580

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

своего представителя в эту штурмовую группу пробить путь к победе над общим врагом.

Командир сказал им тихо, как отец, отправляющий сыновей в далекий и опасный путь:

— Благословляю...

И они уползли в ночь, в пургу, по льду реки.

Ракеты на вражеском берегу горели, как линия костров. Сквозь пургу немцы ничего не видели, но непрерывно обстреливали переправу. Артиллерийские снаряды разбивали лед, и вода кипела, как в котле, и льдины громоздились друг на друга. Метель неслась над рекой, выла и плакала, и хохотала, и кружилась над прорубями и черными разводьями. Они ползли поодиночке, цепочкой, но в метели второй не видел первого и третий не видел второго. И лишь из снежного вихря, из белой тьмы ночи, освещаемой синими вспышками ракет, слышался предостерегающий шопот переднего:—мина!

Первый автоматчик полз и прислушивался к земле, как бы хотел услышать адскую жизнь скрытой в снегах немецкой мины. Потом осторожно руками разгребал снег, ощупывал черную мину, похожую на граммофонную пластинку, и обезвреживал ее. А по следу его попали остальные.

Всю долгую зимнюю ночь от сумерек до рассвета они преодолевали эти 300 метров до церкви, эту длинную смертельную дорогу, эту самую длинную в мире дорогу, длиннее, чем кругосветное путешествие, ибо это была дорога смерти. И перед рассветом у немецких позиций скопились для броска сорок два автоматчика в белых халатах. А наша артиллерия вела в это время ураганной силы огонь.

Автоматчики лежали в снегу, над головами их гудели и выли снаряды и они были так близко от немецких позиций, что камни, поднятые взрывами, долетали до них.

И вдруг стало тихо, так тихо, будто тишина всего мира собралась сюда. И в эту-то единственную минуту, когда смолкает артиллерия, когда мертвеют звуки всей земли,—броском через немецкие траншеи, где оглохшие, ослепленные, прижатые к чужой земле, лежали и тяжело дышали очумевшие фрицы, автоматчики кинулись в окна,

пробои и проломы церкви. Церковь была пуста. У амбразур стояли немецкие пулеметы.

И когда в траншеях и подземных ходах показались возвращавшиеся в церковь засыпанные землей, напыхавшиеся пороху и дыма немцы, их окликнул из церкви русский голос, страшный, как смерть:

— Стой, кто идет?

И автоматные очереди во все стороны вдоль всех траншей, как ножи, срезали передних фрицев.

Теперь автоматчики были в самом центре немецкой обороны, как заноза в немецком сердце. Они видели все вокруг—им были открыты все траншеи, дзоты и блиндажи. С рассветом автоматчики открыли охоту. Только появится в траншее фрица башка—уже летит кувырком вся фигура. И посчитали бойцы—только в этот день каждый из них убил от трех до десяти врагов. Вымостили вражьими трупами все траншеи.

Артиллерия снесла церковные купола, тяжелые каменные своды висели на балках. Вниз падали камни и кирпичи, но автоматчики стояли, тесно прижавшись к стенам и стерегли входы и выходы.

День сменялся ночью, а ночь рассветом. И глубокой ночью вдруг в окно церкви реной полился дым, быстро заполняя церковь. Из немецких траншей высунулись пулеметы и автоматы, — и стерегли все окна и двери церкви.

А в церковь летели все новые и новые дымовые шашки. Черный дым залил всю церковь. Но ни один автоматчик не высочил наружу под немецкие пули.

Перед церковью появлялись рожи и кричали в дым:

— Русс, кончай войну!

И слышался немецкий хохот и визг. А затем стон и крик. Это пуля срезала хохочущего немца.

Церковь стояла в ночи черная, безмолвная. Метель кружилась вокруг, будто одевала ее в белый саван. Решили немцы, что все кончено. И тогда повесили по всему небу фонари-ракеты, осветили церковь.

Они шли к церкви полукольцом, пьяные, во весь рост. И так и легли полукольцом, с раскрытыми ртами. А

позади появлялись все новые и новые рожи и кричали: «Русс! Сдавайся!». И далеко за рекой слышен был беспрерывный автоматный треск—ответ церкви.

Полузадушенные, в адской темноте, под наменными сводами, повисшими на балках, автоматчики не в силах уже были стоять. И они лежали у проломов и пробоев, жадно вдыхая метель, и непрерывно стреляли во врага.

И в это время появился в церкви с телефоном Белкин. Красноармеец Натан Белкин, сын модистки, как тысячи красноармейцев-бойцов, делал в строю свое дело, тянул провода за наступающей армией.

Командир группы Габов знал, что позади за последним автоматчиком движется красноармеец-связист с катушкой проводов и тянет линию. Но, когда автоматчики заняли церковь и оглянулись, красноармейца не было. Убила ли его шальная пуля, заблудился ли он на реке в метели, или струсила душа,—никто этого не знал.

Когда Белкин со своим помощником красноармейцем Акуловым достиг вслед за автоматчиками ледяного обрыва берега и до церкви оставалось еще восемьдесят метров, кончилась катушка проводов. Белкин приказал Акулову скопаться в снег:

— Живым или мертвым держать провод!

Когда он появился на льду, реки с новой катушкой, немцы заметили его. Ракеты горели над рекой, освещая лед и метель, и было так светло, что, если бы мышь пробежала, если бы рыба прыгнула из проруби, немецкий снайпер подстрелил бы ее.

Пулеметчик охотился за ним—куда он, туда и струя пулеметного огня. Тогда он зарылся в снег и пролежал до полуночи, точно мертвый. Пулеметчик посыпал веера трассирующих пуль, кружил и вертел, скребя лед и поднимая снеговую пыль, и, наконец, успокоился.

Тогда Белкин двинулся дальше. Шальные пули прошивали полушубок, как иголки, и он слышал у самого уха их дикий свист, шальной, безумный разговор. Запахло жженой шерстью. Он потерял шапку, и, казалось, пули путались в волосах, как заблудившиеся пчелы. Он падал, слезенный взрывами, и вокруг рассыпались искры. Но

из каждой искры в оглушенной памяти возникала маленькая красная церковь. И, вспоминая сейчас эту полуночь, он говорит:

— Если бы меня убили, я бы все равно убитый пополз и вошел бы в церковь с телефоном.

Когда он, пополз к Акулозу, он увидел засыпанную снегом, словно ледяную фигуру бойца. У него были отморожены руки. Но в зубах он держал конец провода, и провод был тепел, как душа человека, и присоединенный к аппарату ожил и заговорил, словно боец передал ему из уст свое дыхание, живую душу свою. Белкин включил телефон и передал на командный пункт:

— Достиг берега, двигаюсь дальше.

Кто был на войне, кто сидел ночью на командном пункте, в неизвестности, когда где-то там, в логове врага, идет борьба, слышны крики и шум боя, знает, что значат эти позывные, этот гопос из тьмы, из ночи.

Белкин вскарабкался на ледяной откос. Огонь отошел в сторону, и он вполз в мертвое, непростреливаемое пространство. До церкви было десять метров, и он уже слышал русские голоса. И тогда, внезапно поднявшись, бросился с катушкой проводов в окно церкви и услышал крик:

— Стой, кто идет?

— Связист Белкин!

И автоматчик, стоявший у окна, дрожащей рукой схватил его и стащил в церковь.

А потом прозвучало:—«Говорит Волга!».

И тут же, по этому же проводу командир части поздравил Белкина с орденом Красной Звезды. Так связист прозвонил линию своей славы.

Было от дыма так темно, что в церкви не видели друг друга, а только узнавали по голосу или ощульбу. Белкин лежал над аппаратом, не видя его, даже трубки не видел, ощущал ее губами и только кричал слабеющим криком: «Стоим!».

И тогда в черной тьме Габов сказал: «Умрем, товарищи, но отсюда не уйдем»...

Он никого во тьме не видел, но только услышал, как

